

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СРОКОВ

Петр ГУЙВАН,

кандидат юридических наук, заслуженный юрист Украины

Summary

The scientific and legal analysis of the legal nature of the substantive terms in civil law is realized in the article; their doctrinal delimitation from the legal facts is grounded and reasoned. On the basis of a detailed study of the subjective content of the substantive law the author of this research has concluded that the civil terms (beginning, motion or termination of their duration) are not external impetus for the formation, change or termination of legal relation, but the element of the internal structure of the latter. Generally used theory of the present day, according to which the civil and legal terms are one of the legal facts or elements of legal structure, is subjected to reasoned criticism in this paper.

Key words: legal fact, content of the subjective right, relative legal events.

Аннотация

В статье осуществлен научно-правовой анализ юридической сущности материально-правовых сроков в гражданском праве, обосновано и аргументировано доктринальное их размежевание с юридическими фактами. На основе детального изучения содержания субъективного материального права в работе сделан вывод о том, что гражданские сроки (начало, движение либо окончание их длительности) являются не внешним толчком для возникновения, изменения либо прекращения правоотношения, а элементом внутреннего состава последнего. В работе подвергается аргументированной критике общеприменимая сегодня теория, в соответствии с коей гражданско-правовые сроки являются одним из юридических фактов либо элементами юридического состава.

Ключевые слова: юридический факт, содержание субъективного права, относительные юридические события.

Постановка проблемы. У исследователей правовой сути субъективного материального права нет никаких сомнений относительно того, что срок является правовой категорией. Ведь, как это следует из нормативных предписаний, продолжительность тех или иных правоотношений, наступление определенных конкретных юридически значимых последствий довольно часто связано с течением временных отрезков [1, с. 208]. Срок – это условно вычлененный из общего временного потока фрагмент, который определяет начальный и конечный моменты определенного явления. Фактически, гражданско-правовые сроки отображают волевое воздействие человека на объективный поток времени с целью его использования в качестве критерия надлежащего поведения носителя того или иного права либо обязанности. Другими словами, юридические сроки имеют значение именно для опосредования продолжительности материальных взаимосвязей, урегулированных правом (правоотношениями), иначе они не несут правовой нагрузки.

Актуальность темы исследования. Роль и значение материальных сроков проявляются в их влиянии на характер отношений. Этот вопрос издавна вызывал интерес исследователей-цивилистов. И достичь здесь определенного прогресса можно, лишь усвоив содержание понятия «гражданско-правовой срок». В литературе активно обсуждался и продолжает дискутироваться вопрос о юридической сущности такого явления, как сроки. Следует указать на труды таких исследователей, как В.П. Грибанов, В.В. Луць, А.В. Жгунова, Т.М. Вахонева, К.Ю. Лебедева и др. Вместе с тем необходимо отметить, что сейчас указанные дискуссии в целом прекратились, и в многочисленных публикациях если и идет речь о правовой природе срока, то, как правило, происходит комментирование либо пересказ старых концепций. Тем не менее, развитие современной цивилистической мысли не может не привести к выводу об ошибочности устаревших подходов относительно сути темпоральных факторов в материальных взаимоотношениях, что в

людьми на территории государств – участников СНГ / У.А. Шамшиев // Совершенствование взаимодействия органов отраслевого сотрудничества государств – участников СНГ в противодействии организованной преступности и торговле людьми : матер. межд. семинара. – С. 11–16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ungift.org/doc/knowledgehub/resource-centre/IOM-Moscow_CIS_Executive_Committee_CT_Seminar_2010.pdf.

значительной степени тормозит дальнейшее развитие цивилистической науки и действующего законодательства.

Целью статьи является исследование реального юридического назначения и сути материально-правовых сроков на основе всестороннего анализа характера воздействия темпоральных факторов на возникновение и движение субъективного права лица. Предметом проведенного исследования являются конкретные гражданско-правовые взаимоотношения, движение и содержание которых опосредованы определенными временными периодами.

Изложение основного материала исследования. По нашему убеждению, главная материальная характеристика сроков проявляется в том, что они определяют продолжительность конкретного полномочия и корреспондирующей ему обязанности в поведении участников отношения. Это отрезок времени, установленный самими субъектами, законом или судом для совершения определенных действий [2, с. 6]. Другими словами, срок в темпоральном аспекте представляется как одна из внутренних составляющих тех обстоятельств и явлений, которые формируют содержание правоотношений. Вместе с тем сегодня в литературе продолжает оставаться доминирующей другая позиция: общеизвестное и в целом приемлемое определение срока как явления, с коим связаны конкретные юридические последствия и которое, как правило, толкуется весьма упрощенно. А именно таким образом: многие исследователи отстаивали и продолжают отстаивать тезис касательно отнесения сроков к категории юридических фактов.

В нашей цивилистике нет единства мнений относительно существа понятия «юридический факт». Большинство цивилистов понимают определение «юридический факт» в узком смысле, придавая ему лишь значение явления, которое влечет возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей [3, с. 104; 4, с. 401]. При этом необходимо, чтобы между основанием и последствием была очевидная конкретная причинно-следственная связь [5, с. 14]. Относятся ли темпоральные факторы к юридическим фактам именно в та-

ком смысле? Следует отметить, что в нашем законодательстве отсутствуют разделы, посвященные юридическим фактам. Таким образом, если рассматривать эту категорию в контексте исключительно оснований для появления, прекращения и изменения правоотношений, необходимо руководствоваться положениями отдельных глав Гражданского кодекса Украины (далее – ГКУ) и других актов. В частности, юридическими фактами будут указанные в ст. 11 ГКУ основания возникновения гражданских прав и обязанностей, а также многие действия и события, указанные в различных нормах Гражданского кодекса Украины, где речь идет о сделках (договорах).

По большому счету, указания на обстоятельства, наличие которых имеет правоформирующее значение, можем найти в большинстве правовых норм. Собственно говоря, перечень таких факторов находится в гипотезах статей. Их образно можно характеризовать как *внешний толчок* для приведения в действие отношений, изложенных в диспозиции. Так, часть 2 ст. 761 ГКУ с позиции теории юридических фактов нужно толковать таким образом: а) при наличии в арендодателя необходимых полномочий относительно распоряжения имуществом, б) при заключении договора аренды (это юридические факты) право пользования вещью приобретает арендатором. Другим примером могут быть указанные в нормах гражданского законодательства основания ответственности за те или иные нарушения: они являются юридическими фактами, которые влекут появление нового охранительного отношения с соответствующим правовым статусом его участников. Например, утрата, уничтожение или повреждение перевозчиком груза, багажа, почты является основанием для возникновения субъективного права у контрагента по договору на возмещение фактических убытков (ст. 924 ГКУ). Подобное полномочие будет реализовываться уже в пределах нового, охранительного, отношения.

В литературе принято разделять юридические факты на события и действия [6, с. 82; 7, с. 603–604]. Толкования юридических признаков таких фактов как внешние события и воле-

вые поступки находим в классических исследованиях, произведенных еще советскими учеными О.А. Красавчиковым [8], О.С. Иоффе [9, с. 252–253] и др. Считается, что действия происходят в соответствии с волей участников гражданских отношений, события же – независимо от воли этих лиц. Как видим, в отличие от действий, событиям присущ объективный характер. Вместе с тем не вызывает сомнений, что поступки определенных субъектов могут влиять, причем иногда весьма существенно, на возможность наступления того либо иного события. В связи с этим в литературе было предложено деление фактов-событий на *абсолютные* и относительные с учетом наличия проявлений воли при их возникновении [6, с. 43]. Таким образом, относительными событиями следует считать явления, которые возникают в результате человеческих поступков. Это воздействие может продолжаться при развитии явления, однако дальнейшее его течение с какого-то этапа происходит объективно. Соответственно, абсолютными событиями являются такие фактические обстоятельства, на которые не прослеживается влияние человека. Действия и события как юридически значимые обстоятельства имеют общую черту: их наличие обуславливает обеспечение определенного законодателем поведения участников гражданского оборота.

Концепции, которые сейчас комментируются, к юридическим фактам относят также и сроки. Иными словами, речь идет о квалификации сроков как юридически значимого обстоятельства, существование которого обуславливает возникновение, изменение либо прекращение материальных прав и обязанностей [10, с. 147–151]. Популярностью эта теория пользуется как среди советских, так и современных ученых. В частности, такие исследователи, как М.Я. Кириллова, О.А. Красавчиков, К.Ю. Лебедева, Е.А. Суханов, Я.А. Юкша и другие, безусловно связывают появление, изменение и прекращение правоотношений с временным фактором. Определенные разногласия во взглядах заключаются лишь в том, что в одних случаях правоопределяющим называется сам материальный срок [11, с. 12], тогда как

в других – в качестве обстоятельства, что приводит к возникновению, изменению или прекращению гражданских прав и обязанностей, указывается истечение [12, с. 118] либо начало и окончание срока [13, с. 28–29].

Среди ученых, которые квалифицируют временные периоды как один из юридических фактов, продолжается также полемика относительно того, к какому из двух видов таких фактов следует отнести сроки. Так, одна группа исследователей квалифицирует сроки как абсолютные события с учетом того факта, что человек не может воздействовать на общее течение абсолютного времени, сам существуя в нем [6, с. 160–168; 14, с. 193]. Другие с этим не согласны. Они указывают, что свойства непрерывности и объективности присущи именно общему временному потоку, тогда как в праве речь идет о специально вычленном и координированном отрезке. На самом деле, права и обязанности в гражданских отношениях, как правило, устанавливаются самими их носителями, потому и сроки осуществления прав (выполнения обязанностей) имеют волевое происхождение. Однако в дальнейшем влияние человека на временное движение исключается, и оно происходит объективно. По этой теории, истечение или наступление срока (термина) – это юридический факт, который, хоча и определялся волевой деятельностью людей, все же наступил объективно. Поэтому срок постулируется как *относительное юридическое событие*, то есть явление, вызванное деятельностью человека, однако в дальнейшем движущееся независимо от причин, которые его обусловили [13, с. 30].

Некоторые цивилисты имеют собственную точку зрения относительно места материальных сроков в системе юридических фактов. Так, В.П. Грибанов отстаивал тезис о том, что сроки занимают самостоятельное место наряду с юридическими действиями и событиями, по своему характеру они являются чем-то средним между ними [15, с. 9–10]. Ведь, несмотря на то, что после установления сроки преимущественно существуют объективно, вряд ли можно с уверенностью сказать, что они всегда протекают автоматически, без участия людей. Например, в тече-

ние исковой давности ее объективному течению участники правоотношения могут противопоставить свое активное поведение: прервать срок осуществлением определенных действий, прекратить его добровольным выполнением обязательства и т.п. [15, с. 10]. В литературе также высказана мысль об отнесении юридического срока как специфического юридического факта к разновидности *юридического факта состояния* [16, с. 25].

Как видим, современная цивилистика выходит из того, что начало или окончание срока является юридическим фактом, который считается необходимым основанием возникновения, изменения или прекращения материальных прав и обязанностей участников правоотношения. Если перенести эту сентенцию в практическую плоскость, то с учетом соотношения временных факторов с самим субъективным правом получим такую конфигурацию: начало течения исковой давности порождает материальное право на иск, наступление срока принятия наследства влечет возникновение субъективного права на принятие наследства. По нашему убеждению, при таком подходе происходит неоправданное размежевание самого права и одного из его внутренних свойств – длительности. Время, как известно, не является какой-либо отдельной субстанцией, оно представляет собой темпоральную форму, проявление движения материи [17, с. 91]. Сроки и термины как избранные людьми элементы общего временного движения являются объектами наблюдения и исчисления посредством использования субъективно установленных механизмов. И все же, несмотря на определенную субъективность, сроки сохраняют имманентные свойства и существо времени, в частности относительно объективности и непрерывности течения. Таким образом, есть все основания считать гражданские сроки отображением движения конкретного субъективного права как материального объекта во времени. Как указывалось в литературе, сроки являются темпоральной формой существования обстоятельство реальной действительности, которая проявляется в виде движения гражданских правоотношений, а также субъективных

прав и обязанностей, составляющих их содержание [18, с. 184–185].

В доктрине уже были высказанные возражения относительно постулирования материальных сроков в качестве юридических фактов. В частности, достаточно взвешенную и интересную позицию касательно квалификации сроков как факторов, обеспечивающих временную форму движения гражданских прав и обязанностей, предложил В.В. Луць. Согласно предложенной им теории, наступление или окончание срока приобретает значение не само по себе, а в совокупности с событиями либо теми действиями, для совершения которых или воздержания от них этот срок установлен. Посему срок не только нельзя отнести к действиям или событиям, но он также не занимает самостоятельного места в общей системе юридических фактов. Как форма, через которую они могут реализовываться, срок присущ действиям, и событиям [19, с. 40; 20, с. 4]. Выступая временной формой, в которой протекают события и осуществляются действия, сроки порождают юридические последствия лишь в связи с действиями и событиями. Так, истечение исковой давности влечет прекращение права на иск не в результате окончания срока, а потому, что кредитор в течение его длительности не предъявил иск к должнику о защите своего нарушенного права [19, с. 40]. Другими словами, можем прийти к выводу, что временные факторы не имеют определяющего влияния на возникновение, изменение либо прекращение материальных субъективных прав и обязанностей. Так в чем же тогда проявляется значение времени в правоотношении?

Ошибка большинства современных исследователей заключается в неоправданном сужении роли и юридического назначения конкретных внешних, касательно правоотношений, обстоятельств. Далекое не все явления окружающего мира мы можем охарактеризовать как юридические факты. Наоборот, большинство из них являются полностью индифферентными по отношению к содержанию и характеру протекания материальных взаимодействий. Значение юридического факта заключается в том, что он обуславливает правовой статус субъек-

тов отношений, придает им внешний толчок. В таком контексте тезис о признании юридическим фактом срока, его наступления или окончания не выдерживает проверки. Действительно, мог ли бы начаться или закончиться какой-нибудь гражданский срок, если бы его не обусловили сделки, акты государства, судебной власти, другие действия и события, указанные в ст. 11 ГКУ как основания возникновения гражданских прав и обязанностей? Ответ очевиден – нет.

Необходимо отличать определенные фактические явления, которые имеют юридическое значение, от тех, которые непосредственно обуславливают возникновение, изменение или прекращение субъективных прав. Только последние могут квалифицироваться как юридические факты. Что же касается сроков, то начало их течения придает лишь темпоральную определенность конкретному полномочию, не влияя на его существование и не порождая изменений в правовом статусе носителя. Так, срок обнаружения недостатков проданного товара, определенный в ст. 680 ГКУ, сбегает от момента принятия вещи. Начало этого срока, безусловно, является событием, но серьезной ошибкой было бы признание этого события правоустанавливающим фактором. Разумный (но не больше двух лет для движимого имущества и три года – для недвижимого) срок в свой первоначальный момент течения не порождает право, он сам является элементом указанного права. Само же субъективное полномочие, ограниченное во времени этим периодом, возникает в связи с наличием иного обстоятельства – передачи некачественного товара. Именно это обстоятельство и будет иметь значение юридического факта. Как правильно указывал В.В. Груздев, момент начала движения прав и обязанностей четко детерминирован моментом наступления юридического факта с учетом имеющихся к этому юридических предпосылок [21, с. 288–289].

Не является юридическим фактом и окончание гражданского срока. Давайте проанализируем этот вопрос в плоскости причинной теории. Любое субъективное право может иметь как физические, так и темпоральные границы. К первым можно отнести,

например, право употребить купленные 20 килограммов картофеля, право пользоваться арендованным автомобилем, не превышая пробега в 3000 километров, и т.п. Окончание конкретно установленного объема полномочия непременно приводит к его погашению. Это же можем сказать и о временных рамках права. Например, тот же арендованный автомобиль может использоваться с суммарной продолжительностью всех выездов не более 150 часов. Исчерпание темпорального объема полномочий также влечет погашение субъективного права. Вполне понятно, что обстоятельством, которое обусловило прекращение права как по его объему, так и во времени, будет договоренность сторон (действие) о его погашении в результате исчерпания определенной составляющей содержания. Истечение срока является признаком окончания определенного права, а не предпосылкой его прекращения.

Окончание темпоральных границ субъективного права имеет те же последствия, что и завершение (исчерпание) возможностей, заложенных в физических его признаках [22, с. 47–48]. Но с прекращением последних мы не связываем правоизменяющие результаты, как это привыкли делать при окончании срока. Действительно, если быть последовательным, то правоизменяющее значение должно предоставляться, например, факту доставки товара в пункт назначения. По комментируемой логике, прекращение объема права (после доставки товара соответствующее регулятивное требование грузоотправителя погасилась) должно считаться юридическим фактом. Какой правовой эффект указанного юридического факта? Только один – правопрекращающий. Но это полная чушь. Очевидно, что понять теорию, согласно которой окончание права (вместе со всеми его элементами: объемом, длительностью, которые были установлены на момент возникновения права) является следствием конкретных юридических фактов, которые были согласованы еще при появлении правоотношения, можно, только осознав, что срок есть такая же составная часть содержания материального права, как и другие его элементы.

Право прекратилось не потому, что истекло его время, на самом деле оно

погасилось, потому что так было определено или предполагалось на момент его возникновения. Поэтому обстоятельством окончания срока, как и исчерпание физических характеристик права, *не обуславливает* его прекращение, а является таким же следствием юридического факта (заключения договора). Так что и истечение срока тоже нельзя квалифицировать как юридический факт.

Выводы. Темпоральное проявление нельзя считать юридическим фактом в классическом понимании последнего, наоборот, сам срок является продуктом воздействия тех обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение юридических последствий. Материальный срок (его ход, начало или окончание) не может быть внешним толчком для правоотношения. Сущность взаимоотношений между правоопределяющими факторами и временными проявлениями другая. Внешние толчки являются необходимыми и обусловленными законом юридическими фактами, которые приводят в действие или прекращают само право вместе с его внутренним свойством – продолжительностью. Итак, истечение срока наступает вследствие задействования диспозиции с появлением указанных в гипотезе факторов.

Поэтому, как было показано выше, сроки, их начало или окончание нельзя отнести к юридическим фактам, то есть обстоятельствам, имеющим определяющее влияние на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Однако это отнюдь не означает, что мы отвергаем все те цивилистические наработки, которые, в частности, касались юридической сущности срока как определенного изучаемого явления. Срок, безусловно, является важным элементом субъективного права. Наступление конкретного момента имеет существенное значение для определения его состояния, поэтому продолжает оставаться актуальным вопрос о качественных характеристиках этого явления. Мы убедились, что срок представляет собой не причину, а следствие приобретения (изменения) участниками гражданских отношений конкретного правового статуса и является неотъемлемой составной частью содержания субъективного материального права.

Темпоральные влияния на характер материальных отношений можно рассматривать в нескольких плоскостях, из которых две являются наиболее показательными: а) время как момент возникновения, изменения или прекращения правоотношений, б) сроки как одно из условий, которые определяют содержание правоотношений касательно своевременности должного поведения [19, с. 16; 23, с. 36]. В первом случае время как момент, когда он наступает, имеет значение для установления координат определенного отношения. Начало срока может определяться как действием (бездействием), так и событием. Указанные деяния или события являются юридическими фактами, а сам срок, как элемент содержания отношения, есть продукт задействования необходимых юридических фактов. В другом своем значении срок определяет продолжительность существования определенного права и обязанности.

Список использованной литературы:

1. Советское гражданское право / под ред. О.С. Иоффе, Ю.К. Толстого, Б.Б. Черепахина. – Т. 1. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. – 472 с.
2. Фаршатов И.А. Исковая давность. Законодательство: теория и практика. – М.: Городец, 2004. – 192 с.
3. Барон Ю. Система римского гражданского права / пер. Л. Петражицкого. – 3-е изд. (испр. по 9-му нем. изд.). – Вып. 1. – Кн. 1: Общая часть. – СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1909. – 250 с.
4. Алексеев С.С. Общая теория права: [учебник]. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: ТК Велби, изд-во «Прспект», 2008. – 576 с.
5. Рожкова М.А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. – М.: Статут, 2009. – 332 с.
6. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. – М.: Госюриздат, 1958. – 183 с.
7. Скакун О.Ф. Теория государства и права (энциклопедический курс): [учебник]. – Х.: Эспада, 2007. – 840 с.
8. Красавчиков О.А. Теория юридических фактов в советском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.А. Красавчиков. – Свердловск, 1950. – 14 с.
9. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. – М.: Юрид. лит., 1961. – 380 с.
10. Коструба А.В. Наслідки правопріпиняючих юридичних фактів у цивільному праві України / А.В. Коструба // Часопис Київського університету права. – 2011. – № 3. – С. 147–151.
11. Вострикова Л.Г. Сроки осуществления защиты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук / Л.Г. Вострикова. – М.: Рос. эконом. акад. им. Г.В. Плеханова, 2000. – 159 с.
12. Залесский В.В. Фактор времени в гражданских правоотношениях // Журнал российского права. – 2006. – № 9. – С. 114–121.
13. Лебедева К.Ю. Исковая давность в системе гражданско-правовых сроков: дис. ... канд. юрид. наук / К.Ю. Лебедева. – Томск, 2003. – 243 с.
14. Советское гражданское право / под ред. Ю.Х. Калмыкова, В.А. Тархова. – Т. 1. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. – 452 с.
15. Грибанов В.П. Сроки в гражданском праве / В.П. Грибанов. – М.: Знание, 1967. – 49 с.
16. Щербаков О.В. Понятие юридического срока и его процессуальный режим // Проблемы совершенствования законодательства Украины и практики его применения: кратк. тез. докл. и науч. сообщ. межрегион. науч. конф. молодых ученых и соискателей. – Х.: УЮА, 1991. – С. 22–26.
17. Аскольдов С. Время и его преодоление // Мысль. – 1922. – № 3. – С. 80–97.
18. Цивільне право України: [підручник]: у 2 кн. / [О.В. Дзера, Д.В. Боброва, А.С. Довгерт та ін.]; за ред. О.В. Дзери, Н.С. Кузнецової. – Кн. 1. – К.: Юрінком Інтер, 2002. – 720 с.
19. Луць В.В. Сроки в гражданских правоотношениях // Правоведение. – 1989. – № 1. – С. 37–43.
20. Луць В.В. Строки і терміни в новому Цивільному кодексі України // Юридична Україна. – 2003. – № 11. – С. 3–8.
21. Груздев В.В. Человек и право: исторические, общетеоретические и цивилистические очерки: [монография]. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – 463 с.
22. Мазуренко С. Принцип вищерпання права як підстава обмежен-ня правомочності власника об'єкта інтелектуальної власності / С. Мазуренко // Юридичний вісник. – 2011. – № 1. – С. 47–52.
23. Спасибо-Фатєєва І.В. Вплив строку на договірне зобов'язання // Мала енциклопедія нотаріуса. – 2006. – № 1. – С. 35–41.